

МАНДЕИЗМ

В настоящее время маленькая религиозная община мандеев состоит из не более, чем пятнадцати тысяч верующих. В течение многих веков они жили вдоль рек и каналов в болотистых местностях нижнего течения Тигра и Евфрата и вдоль реки Карун в Хузестане. Они называют себя или *mandāyē* ("гностики") или *nasōrayē* ("соблюдающие"), хотя в настоящее время "мандеями" называют мирян, а "назореями" – посвящённых в таинства мандейской религии или мандейских священников. Известно, что они являются умелыми мастерами по обработке золота и серебра, кузнецами и строителями лодок. Они отличаются от окружающего населения своим происхождением, но прежде всего своей религией и Священным Писанием, написанным на восточно-арамейском диалекте. Уже более ста лет европейские ориенталисты и историки изучают мандейскую письменную традицию. Их исследования показали, что в лице мандейской литературы мы обладаем важнейшим и ранним свидетельством того позднеантичного религиозного движения, которое обычно называют "гнозисом" или "гностицизмом". Мандеи являются единственными выжившими представителями гностической религии, процветавшей в первые столетия после Христа. Широко признано, что мандеи играли важную роль в истории раннего христианства и что они были потомками последователей Иоанна Крестителя. Португальские миссионеры, появившиеся в Ираке в XVII веке, разделяли это мнение, назвав мандеев "последователями Иоанна Крестителя" или *Christiani di San Giovanni*. Таким образом, мандеев ошибочно называли "христианами Иоанна Крестителя" в течение долгого времени. Справедливо, однако, отметить, что древнейшие составляющие мандейской литературы возникли в окружении раннего восточного христианства. Многие специалисты по истории религии и богословы использовали их литературу для истолкования Нового Завета и, прежде всего, Евангелия Иоанна. Уже в XIX столетии европейские ученые, такие, как немецкий ориенталист Г. Петерман и французский консул Сиуффи пытались установить связи с мандеями, жившими в Ираке и Иране, хотя эти попытки и не были достаточно успешными. Только леди Э. С. Дровер сумела собрать о современных мандеях достоверную информацию, включая множество фото- и киноматериалов.

Мандейская литература очень обширна и посвящена исключительно религиозным вопросам. Она состоит из литургических текстов, гимнов, молитв и песнопений, комментариев, легенд, богословских и мифологических трактатов и магических текстов. Хотя гимны и песнопения очень красивы, прозаические произведения кажутся повреждёнными, и, несмотря на годы изучения, зачастую трудно расшифровать их тайны. Мандейская литература неодинакова по своему качеству – высокий уровень поэтических произведений свидетельствует, что у них были одаренные поэты, но значительно меньше философов и талантливых прозаиков. Ещё одним поразительным аспектом мандейской литературы является взаимопроникновение древних и новых элементов. Тексты, передававшиеся в письменной традиции, зачастую с комментарием, иногда изменялись, но в целом не адаптировались к новому образу мысли. Множество стереотипных фраз и формализованный стиль придали мандейской литературе характерный и однородный вид. Поскольку начало собиранию в книги находившихся в разрозненных свитках и трактатах культовых и литургических текстов было положено уже до того, как арабы принесли в Месопотамию ислам, мандейская община была причислена к терпимым представителям "Семьи Писания" (*ahl al-kitāb*). Упомянутые в Коране сабии (*as-sabi'a*), возможно, были мандеями или связанной с ними общиной, и Мухаммед включил их в *ahl al-kitāb*. Таким образом, они должны были обладать книгами уже до появления арабского пророка. Позднее

сабии были известны мусульманским историкам и "ересиологам", хотя они и не отождествляли сабиев исключительно с нашими мандеями. "Сабии болот" (*as-sabi'a al-batā'ih*) и *muḡtasila* ("омывающиеся") были, однако, именно мандеями.

Теперь мы должны перечислить важнейшие Писания мандеев. Самой обширной книгой мандейской литературы является *Ginza* или "Сокровище", также, известная как *Sidra rba* или "Великая Книга". Она состоит из двух частей, "Правой" (*Ginza yamina*) и "Левой" (*Ginza semala*). Первая является обширным собранием из восемнадцати теологических, мифологических, космологических и моральных трактатов. Меньшая по объёму "левая" Гинза содержит гимны и песнопения души, оставляющей умершее тело и восходящей в мир Света на небесах. Поэтому она названа также "Книгой Душ". Другим важным произведением является "Книга Иоанна" (*Draša d-Yahya*) или "Книга Царей" (*Drašē d-Malkē*; "царями" мандеи называют существа Света). Это неоднородное собрание, содержащее тридцать семь в основном мифологических разделов. Особенно интересны истории о явлении в Иерусалиме небесного Спасителя Аноша (*Anōš* = библейский Енош). Канонический молитвенник или *Qolastā* содержит множество гимнов, песнопений и молитв, употребляемых мандейскими священниками для различных богослужений, особенно крещения (*masbuta*), заупокойной мессы (*masiqta*), ритуальных трапез и т.д.

После Второй Мировой войны леди Дровер издала и перевела несколько культовых текстов, находящихся в "тайных свитках", которые доступны только мандейским священникам или назореем. Они включают ритуал брака, называемый *Šarh d-Qabin d-Šišlam Rba*, ритуал посвящения или "коронации" священников (*Trasa d-Taga d-Šišlam Rba*), ритуал крещения Авеля (*Hibil; Diwan Masbuta d-Hibil-Ziwa*), а также объёмную работу, озаглавленную "Тысяча и двенадцать вопросов" (*Alf Trisar Šuialē*) и содержащую ритуальные и нравственные наставления для священников и кандидатов в священство. В эту же категорию "тайных свитков" включены и два кратких комментария на заупокойное богослужение, названные "Первый микрокосм" (*alma rišaia zuta*) и "Первый макрокосм" (*alma rišaia rba*).

Есть множество пока не опубликованных свитков, подобных знаменитому *Diwan Abatur*. Этот диван описывает и иллюстрирует путешествие души усопшего в небесные миры. Многие из свитков и диванов украшены удивительными иллюстрациями в почти "кубистском" стиле. Примечательно, что аналогичные изобразительные формы встречаются в ряде магических папирусов (включая мандейские, иудейские и христианские) позднеантичного периода. Кроме того, существует и астрологический кодекс, названный *Sfar Malwāšē* или "Книга Зодиака". Есть также интереснейший фрагмент легенды о происхождении и истории мандеев, озаглавленный "Диван великого Откровения, названный *Haran Gawaita*" (или "Внутренний Харан"). Это единственный текст, предоставляющий нам информацию о загадочной ранней истории мандеев.

Помимо перечисленных литературных памятников существует огромное количество магических текстов, выгравированных на свинцовых табличках или написанных на глиняных чашах. Эти магические тексты сохранили много раннемандейских и месопотамских элементов.

Хронология мандейской литературы изучена очень слабо, поскольку только немногие тексты содержат упоминания об исторических событиях или времени написания. Только некоторые разделы Гинзы и магические тексты, особенно выгравированные на свинцовых табличках и восходящие к III или IV столетиям н.э., могут быть датированы достаточно достоверно. Сирийский богослов VIII века Феодор бар Конаи включил несколько цитат из Гинзы в свою *Scholion* или "Книгу школ", в описание секты "достаеан" или мандеев. Пока все попытки реконструировать хронологию были безуспешны. Прогресс может быть достигнут только с помощью метода, сочетающего критическое исследование литературных тем и стиля с достижениями традиционного исторического изучения, и в то

же время сопоставляющего мандейские примеры с немандейскими параллелями. Так, шведский египтолог Т.Сэве-Сёдерберг выяснил, сравнивая мандейские и манихейские тексты, что часть мандейской поэтической литературы уже существовала в III веке. Этот результат согласуется с указаниями на III или IV век в колофоне Канонического молитвенника *Qolastā*. Мы также располагаем параллелями между мандейской литературой и четвёртым Евангелием, христианскими Одами Соломона и другими гностическими текстами I-II веков. Вполне вероятно, таким образом, что мандейская традиция возникла раньше христианства.

Самыми ранними свидетельствами характерного мандейского письма являются надписи на харакенских монетах, датированных II и III веками. Известны также элюмейские надписи в Хузестане, открытые в Танг-и-Сарвак. Они принадлежат тому же периоду. По мнению Р.Мацуха, эти надписи предполагают существование мандейского письма. Уже давно было известно, что мандейские буквы связаны с набатейской системой письма. То, что мандейское письмо является связующим звеном между набатейской и элюмейской системами письменности, является вполне вероятным выводом. К этому следует добавить и надписи в Танг-и-Бутан или долине Шимбар, также в Хузестане, которые схожи с элюмейским письмом. Можно надеяться, что новый материал из надписей (таких, как надпись в Пушт-и-Кух в Луристане) расширят основания для такого сравнения. Только на этом пути станет возможным разрешить сложные проблемы происхождения мандейской системы письма, да и самих мандеев.

Говорить о происхождении и истории мандеев непросто потому, что они едва затронуты во всей их литературе. Сами они верят, что, поскольку их религия была изначальной и основанной миром Света, они не связаны с историей мира сего. Всё же в мандейской литературе есть несколько упоминаний, дающих ответ на наш вопрос о происхождении мандеев. Так, мифологическое географическое предание сохранило описание преследования общины (или, скорее, трехсот шестидесяти учеников или *tarmidē*) в Иерусалиме, вдохновлённом Адонаи, Рухой и "семью". Разрушение Иерусалима силами Света мыслится, как наказание за это преследование.

В упоминавшейся выше "Легенде о Внутреннем Харане" находится описание назореев, пребывавших на "мидийских холмах" (*tura d-madai*) или во Внутреннем Харане (*h□arān gawaita*), куда они бежали при царе Ардбане от иудейских властей. Этот таинственный Ардбан отождествлялся с парфянскими царями Артабаном III, IV и V. В любом случае, это указывает на существование легендарной традиции, описывающей, как община или её часть проникла на иранскую территорию (между Хараном и Нисибисом или Мидией) именно в поздний период парфянских царей, другими словами, в I или II веке. Этот же текст описывает, как назорейская община обосновалась в Багдаде или в Месопотамии, и обсуждает её дальнейшую историю при царях династии Сасанидов.

Это предание включает известные события в Иерусалиме, который в данном случае находится на Евфрате, и легенду об Иоанне Крестителе (известном у мандеев как *Yahya* или *Yūhānā*), который является "пророком Истины (*kušta*)" и "посланцем Царя Света". Иоанн упоминается и в других текстах, и мандеи считают его своим пророком и соперником Христа. Не доказано, сохранилась ли в мандейской литературе собственная независимая традиция того времени. Очевидно, они восприняли и "еретические" христианские или гностические легенды, сохранившие сведения о былом историческом противостоянии между Иисусом и Иоанном, и придали им мандейскую окраску. Иначе говоря, Иоанн Креститель не является центральной фигурой в мандейской литературе и богословии.

Анализ стиля и тематики ранних мандейских преданий и сравнение с различными текстами об Иоанне показывают, что эти предания так или иначе связаны с ранней палестинской или сирийской христианской традицией. Однако, мандейская литература не позволяет нам предположить, как делали некоторые исследователи, что мандеи когда-то

были сектантским движением в рамках христианства, – для этого мандейская враждебность к христианству выражена слишком определённо. Иисус Христос (*Ešū Mšīha*) полностью отвергнут мандеями¹. Тем не менее, изначально иудейское происхождение мандейского или назорейского движения не может быть поставлено под сомнение, хотя в мандейской литературе содержится яркая полемика против иудеев. Моисей (*Mišā br Amrā*) считается лжепророком, а бог иудеев Адонаи богом зла или демоном (отождествлённым с Солнцем!). В мандейских преданиях, затрагивающих теогонию, космогонию и антропогонию, есть много следов синкретического иудаизма, попавшего в водоворот гнозиса, что, впрочем, действительно и для других гностических текстов. Таким образом, в фундамент назорейства был положен иудейский субстрат с иноземными элементами – иранскими, поздневавилонскими, сирийскими или греческими. Носители этого раннемандейского гностицизма или гнозиса либо принадлежали к низшему священству, либо, и скорее всего, были учителями премудрости. Сегодня нам трудно пролить свет на эти группы. В преданиях учителей премудрости, в которых, как хорошо известно, иноземный материал был ассимилирован раньше, чем где-либо в Израиле, мы должны считаться с подобными "центробежными силами". Именно там были сделаны первые попытки понять устройство Вселенной, "выси" и "глубины" божественных таинств, и там не было сомнений, стоит ли изучать учения других религий.

Социальные аспекты этого движения не были достаточно изучены до сих пор. В значительной степени его участники противостояли официальным учениям и практике. В *Haran Gawaita* говорится, что назореи "любили Господа Адонаи" до явления Христа! Очевидно, противостояние назореев официальному иудаизму привело к многочисленным преследованиям, прежде всего в ходе иудейских войн против Рима в I и II веках. Отрывки из первой и второй книг "правой" Гинзы содержат полемику против других религиозных движений и пророков, восходящую к самому раннему периоду. Несколько ранних концепций, таких как *bhirē zidqa*, *mara d-rab(b)uta*, *r(ab)ba* и *raza*, так же как терминология и образный язык крещения, содержатся в кумранской литературе. Слово "Иордан" всегда было для мандеев названием всякой воды крещения. Явные связи с сектами крестителей на восточном берегу Иордана и с сирийским христианством, а также западно-сирийские элементы в языке мандеев и их мифологии (*manda*, *nasuraya*, *gufna*, *kušta*, существа-*yo*), подтверждают наш тезис о западном происхождении мандеев.

Эмиграция ранней назорейской общины из долины Иордана на восток, вызванная преследованиями со стороны иудейской ортодоксии, должна была иметь место не позднее II века, поскольку ряд месопотамских и парфянских элементов предполагает достаточно длительное пребывание в этих областях. Предположительно, эмигранты сначала добрались до Харана, древней Кархи, и Мидийского нагорья, а затем достигли южных провинций Месопотамии (Месены, Харакены). В третьем столетии Мани Хайа, основатель манихейства, имел связи с мандейской общиной и, возможно, находился под влиянием их системы. "Псалмы Фомы", исследованные Т.Сэве-Сёдербергом, ясно демонстрируют и близкие, и враждебные отношения между двумя соперничающими религиями. В девятой книге "правой" Гинзы можно найти полемику против последователей *Mār Mani*. Однако, хотя манихейские элементы также присутствуют в некоторых мандейских теологических и космологических преданиях, доманихейское существование мандейской традиции в настоящее время более, чем доказано.

Когда мандеи поселились на территориях около Тигра и Евфрата, в их предания проникли новые идеи, например, концепция *Fraš-Ziwa* (Евфрата-Сияния) вместо *Yardna*, дальнейшее развитие ритуалов и иерархии ("клерикализм" и "ритуализм", которые в

¹ Что отражает, не в последнюю очередь, неприятие мандеями ортодоксальной мифологии и догматики как византийской, так и несторианской церкви, с которыми мандеям приходилось сталкиваться. – прим. пер.

позднейшей литературе видны повсюду), восприятие дополнительных иранских идей и последующий перенос палестинских событий из ранней истории общины на новую родину, вызванный, предположительно, давлением со стороны многочисленных и влиятельных вавилонских иудеев. Также имело место противостояние с христианскими церквями и прежде всего с византийской церковью, – "Христос-византиец (*rumaya*)" часто называется гонителем общины.

В отличие от парфянских владык, при которых мандеи процветали (как показывает упоминание "царя Ардбана" в легенде *Haran Gawaita*), отношения с династией Сасанидов у мандеев не сложились. Этот же свиток упоминает о заметном сокращении числа мандейских храмов в то время. Из хвастливой надписи зороастрийского первосвященника Картира ясно видно, что последователи не-иранских религий – и назореи в их числе – преследовались в правление шаха Шапура I. Несмотря на декларируемую терпимость к сабиям ислам возобновил гонения. Бедствующая община постепенно уходила всё дальше и дальше в недоступные болота Южного Ирака и речные долины Хузестана, где мандеев можно встретить и сегодня. Впрочем, в новое время они вновь возвратились в крупные города, Багдад и Басру, благодаря открывшимся возможностям заработка и социального роста.

Мандейская община разделена на две группы – священников и мирян. Это разделение не столь основательно, как разделение между *electi* ("избранниками") и *auditori* ("слушателями") в манихейской общине. Очевидно, мандейская иерархия развивалась постепенно, но, к сожалению, у нас нет сведений о её истории. В более близкие к нам времена мандейское духовенство разделялось на следующие ранги: (1) простые священники или *tarmidē* (что означает "ученик"); (2) епископы или *ganzibrē* (то есть "хранители сокровища") и (3) *riš ama* ("глава народа" или этнарх).

Должность лидера общины, существовавшая уже в раннеисламские времена, вакантна уже более ста лет. Сегодня осталось только несколько священников и *ganzibrē*. Священникам в выполнении их обязанностей помогают диаконы или *sḡandē*, то есть "посланники", и кандидаты в священство или *šwalyē*, то есть "учащиеся". Кроме того, есть ритуально чистые миряне, называемые *hal(l)alē* (*halala*), подготовленные для совершения ритуального убоя скота или выноса тел умерших. В общине священник занимает положение "царя" (*malka*). Его посвящение называется "коронацией", и знаками его власти являются "венец" (*taga*), то есть повязка вокруг головы из белого шелка или хлопка, деревянный жезл (*margna*) и золотой перстень, называемый *Šom Yawar* (то есть "имя Йавара", которое и выгравировано на нем). Во время богослужений священник представляет небесных существ или ангелов (*uthrē*). В течение многих столетий священство было наследственным – *ganzibra* должен быть "сыном царя". Только священник живёт строго религиозной жизнью, и его особые обязанности включают ежедневные молитвы (*rahmē* – "посвящения") утром, в полдень и вечером (раньше было ещё два бдения). Каждое утро он должен совершать малое ритуальное омовение, называемое *rišama* ("знак"). Молитвы обычно произносятся стоя, лицом к северу (где расположены миры Света), – без использования особых поз и движений рук. Иногда, читая молитвы, священник сидит или преклоняет колени.

Белые ритуальные одеяния (совр. *rasta*, в текстах *ustla*) должны носиться священниками и мирянами во время всех богослужений. Это символ небесного одеяния Света, которое, согласно представлениям мандеев, носят ангелы (*uthrē*) и чистые души. Это одеяние состоит из следующих предметов: рубахи (называемой *ksuya* или *sadra*) из белой хлопчатобумажной ткани, длинных шаровар (*šarwala*) и епитрахили (называемой *nasifa* или *gabu'a*). Она носится подобно христианской, но слева короче, чем справа, и во время подготовительных обрядов (молитв посвящения) возлагается на голову и соединяется под подбородком. В этом положении она называется *kinzala*. Есть также тюрбан (*burzinga*), полоса белого муслина, трижды обернутая вокруг головы со свисающим на левое плечо концом (*rughza*). Только священники во время богослужения прикрывают этим тюрбаном

нижнюю часть лица (рот и ноздри) и подворачивают его на правой стороне головы. В таком положении он называется *pandama*. У женщин *burziŋqa*, называемая *šiala*, покрывает голову как шаль. Кушак (*himyana*), сплетенный из шестидесяти шерстяных нитей и завязанный двойным узлом, также носится как символ мандейской веры. В настоящее время все мандеи и особенно священники во время богослужения остаются босыми, хотя в старых текстах упоминаются сандалии (*sandlē*).

Кроме этих священнических облачений и знаков власти мы должны упомянуть и хоругвь или *drafša* (или *drabša*), которая всегда присутствует на основных богослужениях и должна освящаться с помощью особого обряда. Она состоит из длинной шелковой полосы (около трех метров длиной) которая крепится на деревянном перекрестии (не имеющем, впрочем, символического значения). Конец *drafša* отделан бахромой. На верхушку хоругви надет миртовый венок, а сразу под перекрестием находится скрытый от взглядов кусок золотой проволоки, называемый *aran dravši*, свернутый "письмом" и скрепляющий вместе семь веточек мирта. Хоругви являются символом Света, и мандеи верят, что они присутствуют и в небесных мирах. Свет солнца, луны и звезд сияет от этих хоругвей, которые подняты на их ладьях.

Остальная обстановка богослужения очень проста: круглый глиняный столик, называемый *tariana* или *toriana*, стоящий на круглой глиняной площадке (*kangana*), представляет собой алтарь, на котором во время богослужений устанавливается остальная утварь. Иногда, согласно леди Дровер, используется большой продолговатый глиняный короб *kinta* вместе с (или вместо) *toriana*.

Маленький ровный терракотовый кубик *qauqa* или *bit riha* ("место ладана") с небольшим углублением в верхней части содержит ладан, который является смесью сандарака (*resin*), сандалового дерева и *ḡāwi* или росного ладана. Яйцеобразная глиняная жаровня (*brihi*) используется для возжигания ладана и приготовления священного хлеба (*pihta*). Маленькие и неглубокие чаши (*kefta*), изготовленные из латуни, используются для священного напитка (*mambuha*). Помимо священнического перстня (*Šom Yawar*) во время некоторых обрядов используется перстень с печатью, *skandola*. Он изготовлен из железа и на нем выгравированы изображения льва, скорпиона, пчелы (или осы) и змеи. В центре мандейских поселений находятся маленькие культовые хижины, называемые *mandi* (также *bi(t)mandi*). В ранних текстах они названы "храмами" (*mašknē*, заимствованное еврейское слово, в Ветхом Завете обозначающее скинию). Мандейская культовая хижина всегда строится около реки или канала и обязательно снабжена маленьким бассейном, расположенным к югу от хижины и питающимся каналами из реки. Любая река, а также очистительный бассейн и его каналы, называются Иорданом (*Yardna*). Сейчас есть только одна *mandi* (в *Qal'at Sālih*) между Амарой и Басрой, которую я посетил в 1969 году. Другая современная *mandi* строилась в Доре около Багдада. В других местах все богослужения совершаются на берегу реки поблизости от мандейских селений.

Важнейшими обрядами являются крещение или *masbuta* и заупокойная месса или *masiqta* (то есть "вознесение"), посвящение священника или епископа, ежегодное очищение культовой хижины и различные обряды во время праздников. Древнейшими и самыми важными являются, конечно, крещение и заупокойная месса. *Masbuta* (произносится *maswetta*) совершается каждое воскресенье или *habšab(b)a*, день, который мандеи отмечают так же, как и христиане. Это крещение должно совершаться только в "живой", то есть проточной, воде, в реках или каналах или в бассейне *mandi*. Мандеи верят, что эти земные "Иорданы" (*Yardnē*) нисходят из небесного Иордана или Иорданов, которые текут в мирах Света. Обряд крещения, торжественно открываемый предварительными молитвами священника состоит из двух частей: троекратное погружение крещаемого, троекратное погружение священника. Затем священник трижды кропит лоб крещаемого водой, затем сам крещаемый трижды пьет воду, священник увенчивает его миртовым венком (*klila*) и

благословляет возложением правой руки на его голову. Все эти действия, сопровождающиеся гимнами, молитвами и священными формулами, составляют первую часть обряда. Вторая часть совершается на берегу и состоит из помазания лба крещаемого сезамовым маслом, причащения хлебом и водой (называемыми *pihta* и *tambuha*) и "запечатления" против демонов посредством "молитв-печатей", прочитываемый над головой окрещенного. В конце каждой части священник особым образом пожимает руку крещаемого; это ритуальное рукопожатие называется "дать *kušta*", то есть Истину, и совершается и при большинстве других обрядов.

Каковы основная цель и значение мандейского крещения? С одной стороны, согласно текстам (и особенно крещальным молитвам в *Qolastā*), погружение в Иордан должно создавать связь с мирами Света и их целительными силами. С другой стороны, крещение это омовение, очищающее верующего от ритуальных и нравственных нарушений и грехов. Мандеи верят, что их крещение было впервые совершено небесным Авелем, который крестил первого человека, Адама. Без крещения ни один мандей – то есть его душа – не может достичь небесных миров Света. Выводом из этого является крещение детей.

Происхождение и история мандейского крещения часто обсуждались европейскими учёными. Последние исследования – включая и мои собственные – показали, что мандейский обряд крещения ни в каком отношении не является простой имитацией сирийско-христианского, и особенно несторианского крещения, как предполагали некоторые из этих учёных. *Masbuta* имеет мандейское происхождение, поскольку все его основные элементы (погружение, окропление, выпивание воды, увенчание венком, благословение возложением руки и причащение хлебом и водой) взаимосвязаны, даже если некоторые обряды (такие, как помазание и освящение воды крещения) имеют христианское происхождение. Доказано, что некоторые аспекты этого крещения восходят к дохристианским временам и коренятся в крещении и очистительных обрядах гетеродоксального иудаизма, так называемых "сект крестителей" (масботеев и сабиан).

Вторым важнейшим обрядом мандеев является "месса души". Она называется *masiqta* или "вознесение", то есть души (*nišimta*) на небеса. Сущностным аспектом мандейской религии является то, что она пытается разрешить проблему смерти сильной верой в бессмертие души. Мандейская вера, таким образом, целиком сосредоточена на судьбе души, а тело оставляется без внимания. Помимо собственно погребального обряда, все мандейские заупокойные обряды совершаются именно для души усопших. Есть, например, обряд "кормления" умершего. Смертельно заболевший мандей омовается троекратным омовением в воде Иордана, затем он помазывается маслом, облачается в своё белое ритуальное одеяние (*rasta*) и увенчивается венком. Ему дается фляжка с маслом, как письмо (*ingirta*) мирам Света. Когда он умирает, его хоронят лицом на север. Могила не отмечается, поскольку содержит только тело. В то же время готовится ритуальная пища для умершего, и священник читает из "левой" Гинзы. Обряд *masiqta* не начинают раньше третьего вечера, поскольку душа только тогда окончательно оставляет тело и отправляется в сорокапятидневное странствие по небесным мирам. *Masiqta* должна совершаться по меньшей мере четырьмя священниками и только в *mandi*. Помимо обязательных чтений, молитв и песнопений, относящихся к вознесению души, центром обряда является сложный процесс приготовления и освящения множества маленьких, бездрожжевых хлебцев, называемых *fatiri*. Вкушать этот хлеб могут только священники. Возможно, они представляют души, во имя которых совершается обряд – с помощью этих хлебцев им даётся сила. Считается, что эти хлебцы питают умерших.

В своем странствии души должны поддерживаться мистической силой, приобретаемой с помощью молитв и ритуальных действий. Это происходит потому, что душа восходит через опасные и демонические сферы планет. Ни один мандей не может быть уверен, что он действительно достигнет иного мира, хотя его и сопровождают крещение,

знак, имя и добрые дела. Он боится наказания и заключения в потусторонних чистилищах и стражах демонов.

Помимо различных видов *masiqta* есть еще две трапезы для усопших, совершаемые несколько раз после смерти мандея. Это простая еда, называемая *lofani* (от *laufa* – "общение"). Она может быть приготовлена без священника. Значительно более действенной является *zidqa brikha* или "святое жертвоприношение", которое должно совершаться священником. Оно, как и *masiqta*, имеет много видов.

Для лиц, умерших в состоянии ритуальной нечистоты или погибших внезапно, не имея времени подготовиться к смерти, существует особый обряд, называемый "дар одежий" (*ahaba d-manē*) или "святое жертвоприношение одежд" (*zidqa brikha māl gmāši*), совершаемый только во время *Panğa*, великого весеннего праздника мандеев, которому отданы пять дополнительных дней календаря, в которые миры Света открыты для верующих. Эти обряды совершаются над "заместителем", который по положению, полу, личности и возрасту соответствует умершему. Самым ранним известным предназначением *zidqa brikha* было, как мне представляется, обеспечить душу добрыми делами или милостыней (*zidqē*). Обряд развился из ритуальной раздачи милостыни. В любом случае, мандейские заупокойные обряды в их настоящей форме принадлежат к ранней стадии развития религии. Возможно, в прошлом роль питания для души умершего играла обычная пища, как мы можем наблюдать в других религиозных традициях.

Мандейская свадьба (*qabin*) также является религиозным обрядом, и совершать его должен *ganzibra*. Он начинается крещением (*masbuta*) жениха и невесты. Во время обряда невеста закутана в чёрный покров ('*aba*). После крещения и священной трапезы свадебная церемония совершается в тростниковой хижине *andiruna*, которую устраивают во дворе гости-мужчины. В этой хижине также совершается *zidqa brikha*, поскольку предполагается, что души умерших родственников и предков принимают участие в обрядах, которые означают продолжение их рода, и благословляют молодых.

Ритуальный убой разрешённых к употреблению животных (овец и птиц) должен проводить либо священник, либо *hallali*. Он начинается с молитв и малого омовения (*rišama*), после чего животное, железный нож и деревянная палочка трижды погружаются в реку или окропляются водой. Затем, обратившись лицом к северу, резник становится на колени и получает мокрых птиц одну за другой из рук священника. Держа каждую из них так, чтобы её голова была обращена к западу, он проводит ножом несколько раз по горлу, разрезая так глубоко, что голова едва не отделяется от тела. Применяя нож, он держит маленькую ивовую палочку, надавливая ей против направления ножа, и произносит ритуальную формулу для убоя. Затем следует ещё одно омовение. Особое внимание уделяется тому, чтобы тело зарезанного животного не коснулось земли. Поэтому овцу укладывают на связку тростника или пальмовых листьев с валиком (*misra*), окружающим это место. Ритуальный убой часто совершается в ограде *mandi* или в других культовых местах, поскольку для священных трапез, таких как *zidqa brikha*, необходимо и мясо. Овощи и другие продукты также должны быть очищены троекратным погружением в реку, и даже горшки и кастрюли в определённое время (*Panğa* и *Habšabba*) "крестятся" в реке или бассейне *mandi*. Сегодня эти обряды соблюдаются только священниками и некоторыми пожилыми верующими.

Теперь следует обсудить мандейскую мифологию и богословие. Из мандейской литературы очень трудно получить ясную картину их религиозных взглядов. Известно, что эта литература находится в повреждённом состоянии. Именно поэтому невозможно с уверенностью реконструировать развитие назорейских идей от их возникновения. Здесь я не могу дать больше, чем краткий феноменологический конспект основного содержания религиозных идей в этой литературе.

Мандейская идеология отмечена гностическим дуализмом. Мир Мрака враждебно

противостоит миру Света. Высшая Сущность находится на вершине мира Света и обладает несколькими именами, которые датируются разными периодами развития мандейской религии. Самыми ранними именами являются "Жизнь" (*hayūē*) или "Великая Жизнь" (*hayūē rbē*), "Господь Величия" (*mara d-rabuta*) и "Могучая Мана", другими словами, "Могучий Разум". Более позднее имя – "Царь Света" (*malka d-nhura*). Высшая Сущность окружена бесчисленными световыми существами Утрами (*uthrē*), то есть "богатствами" или "изобилиями". Они обитают во множестве миров Света (*almē d-nhura*) и на небесных реках или Иорданах, совершая обряды, как и их земные единоверцы. Высший мир небесных существ произошёл от Высшей Сущности в четыре этапа, известные в некоторых текстах как "Вторая Жизнь", "Третья Жизнь" и "Четвёртая Жизнь". "Эманации" или создания имеют личные имена – *Jošamin*, *Abatur* и *Ptahil*. Эти не всегда единообразные рассуждения подразумевают идею постепенной деградации или падения от первичного Единства и Единственности в условные миры Света и даже до сотворения земного мира Птахилем.

Мир Мрака сформирован аналогичным образом, но сначала он состоял из моря Хаоса, представляемого мандеями как "черные воды", существующие изначально.

В мандейской литературе есть различные предания, касающиеся возникновения материи. Она началась с эманации "Царя Мрака" (*malka d-hšuka*) из темных вод (как акт самозарождения), по крайней мере, согласно одному из преданий. "Господь Мрака" *Ur*, также называемый драконом, гигантом и т.д., является сыном Рухи, падшего и злого "духа" космоса, и противником Света. Этот "Господь Мрака" сотворил для себя миры, населенные демоническими духами нескольких видов, таких как "злые", "чудища", "драконы", "демоны" и "ангелы" (у мандеев слово *malakē* обычно употребляется для обозначения именно злых духов), но прежде всего "семеро" (планет) и "двенадцать" (знаков зодиака).

Враждебные отношения между Светом и тьмой, жизнью и смертью, добром и злом начались с разносторонних контактов между ними. Согласно нескольким различающимся преданиям, Вторая Жизнь начала движение в сторону миров Мрака. Это, в свою очередь, привело Третью и Четвёртую Жизни к акту творения, которому воспрепятствовала Высшая Сущность или Первая Жизнь. Творение было осуществлено гибридным демиургом Птахилем с помощью тёмных сил и стало нашим миром, названным *Tibil* (слово, восходящее к еврейскому корню). Попытка Света воспрепятствовать этому роковому событию оказалась безуспешной. Творец был проклят и ему не было позволено возвратиться в миры Света.

Творение достигло своей высшей точки в сотворении человека. Тело первого человека было сотворено демиургом Птахилем и его злыми помощниками, но оставалось неподвижным. Тело Адама было оживлено только принесённой из мира Света душой или "внутренним (тайным) Адамом", чьё имя Адакас. Это сообщение определяет одну из важнейших тем мандейского богословия, но в литературе она приняла различные и смешанные формы. Гностическое истолкование мифа "антропоса" изменило и преобразило иудейский теологумен сотворения Адама и его сыновей. Земной или плотский Адам и его сыновья, адамиты, были, согласно этой мифологии, только образами небесного Адама, названного *Adam r(ab)ba* или *Adakas* (от *Adam Kasia* – "сокрытый Адам"). У земного Адама есть жена, названная Евой (*Hawwa*), есть жена и у небесного Адама, названная "облаком Света" (*anana d-nhura*). Более того, сыновья Адама Авель (*Hibil*), Сиф (*Šitil*) и Енош (*Anōš*) в то же время являются известными посланцами Света. Мандеи верят, что они происходят от протагонистов, Адама и Евы, и составляют "племя (род) Жизни" (*šurba d-hayūē*), поскольку их души ниспали из мира Света и из-за этого падения вынуждены обитать в нашем телесном мире (подобно душе Адама в плотском Адаме).

Сердцевиной мандейской сотериологии является спасение частиц Света, которые мандеи называют *nišimta* (душа) или *tana* (семитско-иранское заимствованное слово со значением "сосуд, дух"). Сегодня, как и раньше, мандейское благочестие нацелено прежде

всего на освобождение человека из мира тьмы и смерти. В нынешнем состоянии текстов эти идеи также довольно бессвязны. Их сущность сводится к миссии посланцев Света (названных *šliha*, *parwanqa* и *adyaura*), предназначенных для наставления верующих и спасения их душ. Прежде всего эта функция принадлежит *Manda d-Hayuē* или "Познанию Жизни". Три небесных адамита Хибиль, Шитиль и Анош сопровождают его.

Прообразом спасения является спасение Адама. Это откровение изначально было центром мандейского или назорейского учения. После падения души или "внутреннего Адама" в тело или в плоть Адама, которая, с макрокосмической точки зрения, эквивалентна земному миру тьмы, *Manda d-Hayuē* пришёл к Адаму и научил его тайнам космоса и культовым обрядам. Таким образом, Адам получил "Знание" (*manda*, *madda*) и избавление. "Спасение" или "избавление" (*purqana*) посредством знания (*gnosis*) и культовых действий осуществляется в вознесении (*masiqta*) души в родную для неё область Света. Этому посвящены все мандейские истории об избавлении. В некоторых текстах, однако, сообщается, что Анош и Манда д-Хайе явились в Иерусалиме вместе с Иисусом Христом (*Mšiha*) и обличили Его, как "лжепророка". Это предание может объясняться антихристианской концепцией, которая также может быть найдена в мандеизме, но, по мнению некоторых исследователей, она едва ли содержит предания об исторических событиях².

Благодаря сильному мандейскому дуализму между душой и телом, "освобождению души" уделяется большое внимание. Есть и третий элемент, "дух" (*ruha*), который должен быть освобождён и спасён душой. Для мандеев день смерти является "днем избавления" (*yom purqana*). После своего ухода душа должна миновать семь или восемь "страж" (*matarata*), то есть сферы планет, солнца, луны и Рухи, злого духа материального мира. Эти демонические посты установлены, чтобы наказывать и мучить грешные души. Только с помощью Спасителя (*pariqa*, *šaruia*) или посланца Света плененная душа может освободиться из своей тюрьмы. Помимо этих чистилищ, есть и иной суд, отправляемый Абатуром, "господином весов". Когда и этот пост пройден, душа может войти в Царство Света, пересекая опасные воды со своим помощником (*adyaura* или *nasba*). В Царстве Света душу облачают в одеяние и увенчивают венцом; она вернулась в свой родной дом. Как говорится в общей формуле, – "Жизнь поддержала Жизнь, Жизнь обрела своё".

Помимо эсхатологии индивидуальной души, в ряде мест мандейской литературы упоминается и космический суд. Этот "последний день" назван "великим днём конца" или "великим днём суда" (*yoma rba d-suf* или *d-dina*). Именно в этот день произойдёт суд над пленёнными душами. В этот день проклятые души и неверующие упадут в "пылающий огонь" или в "море конца" (*yama d-suf*; эти слова восходят к "Тростниковому морю" в книге Исход). Это называется "второй смертью", которую претерпят также планеты и все другие злые силы. В то же время, совершится "конец мир(ов)", в котором "воссияет Свет и тьма вернётся в своё место". Восставшие и падшие существа Света, такие, как творец Птахиль, будут восстановлены. Идея тысячелетнего Царства также присутствует в некоторых текстах. Мандеи говорят и о рае, называемом *mšunē kuštā* или мире "вознесённых Истины", мире идей, в котором пребывают праобразы (*dmauata*) всех земных вещей и существ. Он находится на севере, в том направлении, где, согласно мандейской религии, находятся и

² Можно предположить, что исторический образ Иисуса Назорея распался в мандейской литературе на образы "воплощённого Гнозиса" *Manda d-Hayuē* (ср. сцену крещения *Manda d-Hayuē* Иоанном в "правой" Гинзе 5,4), небесного посланца Анош-Утры (ср. мандейское *anōš* и арамейское *bar 'anaša* = "Сын Человеческий") и "церковного Иисуса" – иудейского Мессии, сына "злого бога" или даже "бога зла" Адонаи и, соответственно в мандейской перспективе, "лжемеесии" и "лжеспасителя". Это тем более основательно, если принять во внимание, что "антихристианские" отрывки в мандейской литературе отражают полемику против институциональных (византийской и несторианской) церквей. – прим.пер.

миры Света.

Как мы видели, "тайные свитки" содержат рассуждения о микрокосме и макрокосме, космическом Адаме и небесных и тёмных мирах и объяснении обрядовых действий, сопровождающих глубокие или более простые таинства. Мы можем прочесть об этом в книге леди Дровер "Тайный Адам"³. В своей настоящей форме эти "мистерии не восходят к ранней премудрости назореев, но они развили заслуживающие внимания концепции, которые могли бы считаться связующими звеньями с иудейским эзотерическим учением и каббалой, а также с исмаилитским гнозисом. Именно этим поздним этапам принадлежит монистическая тенденция, обнаруживаемая во множестве преданий. Творение мира и человека прослеживается до Царя Света (*malka d-nhura*) или одного из его прямых посланцев и соответствующим образом истолковываются древние дуалистические предания.

Мандейская религия важна прежде всего потому, что в своих ранней и зрелой формах она составляла часть иудейско-сирийского гностицизма и была организована как секта крестителей, которая развилась, в отличие от других гностических движений, в закрытое сообщество, отмеченное употреблением арамейского диалекта. Действительно, мы можем прийти к выводу, что имелась связь между ранней общиной "еретиков-назореев" в рамках иудаизма и классическим гностицизмом. Богатые предания назореев предоставляют нам возможность изучить гностицизм в его специфической восточной форме, существующей поныне, и получить ясное представление о внутренней жизни гностической общины. К счастью, в настоящее время это особое знание возрастает, а не убывает. Трагично, конечно, что это происходит в тот момент, когда эта необычная религия движется к своему концу, и это движение, согласно самой мандейской религии, уводит в Царство Жизни и Света, к которому мандеи всегда так стремились.

Перевод выполнен Дм.Алексеевым по изданию: Kurt Rudolrh. Mandaicism. Iconography of Religions. Section XXI: Mandaicism. Leiden: Brill, 1978.

³ Drower, E.S. *The Secret Adam. A Study of Nasorean Gnosis*. Oxford; Clarendon Press, 1960; русский перевод – Е.С.Дровер. Сокрытый Адам. Назорейский гнозис. Пер.Н.Н.Каменской. // *Мандеи: история, литература, религия*. СПб.: Летний сад. 2002